

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-43-61
УДК 32(045)

Экономические реформы в СССР в 80–90-х годах XX века: попытка переосмысления главных моментов и построения основной сюжетной линии

М.Ю. Алексеев

Финансовый университет; Банк России, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-5059-2329>

АННОТАЦИЯ

Распад Советского Союза – одно из важнейших событий новейшей мировой истории, в значительной степени предопределившее (и в какой-то мере определяющее до сих пор) многие процессы, которые сейчас происходят у нас в стране и за рубежом. Несмотря на то что в последнее время делалось много попыток понять, проанализировать и объяснить причины произошедшего, до сих пор в вопросе о том, почему СССР прекратил свое существование, остается много неясного. Существует множество различных, порой полярных, взаимно исключающих мнений и суждений, свести которые к целостной, непротиворечивой картине совсем не просто. Тема, о которой идет речь, сильно политизирована. Далеко не всем по многим причинам безразлично, в каком виде утвердятся те или иные интерпретации случившегося и будет ли найдена истина. Экономическим реформам в СССР, их подоплеке, описанию и анализу связанных с ними событий посвящено большое количество публикаций. Многим удалось высказаться по этому поводу. Тем не менее представляется, что далеко не все существенные моменты, связанные с попытками изменить советскую экономическую систему, до сих пор должным образом изучены, проанализированы, освещены и представлены в виде целостной, системной, подробной картины, описания, опирающегося на анализ фактов и большого числа точек зрения, порой диаметрально противоположных.

Ключевые слова: СССР; экономические реформы; Горбачёв; Ельцин; Рыжков; Абалкин; Явлинский

Для цитирования: Алексеев М.Ю. Экономические реформы в СССР в 80–90-х годах XX века: попытка переосмысления главных моментов и построения основной сюжетной линии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):43-61. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-43-61

ORIGINAL PAPER

Economic Reforms in the USSR in the 80s–90s of the XX century: An Attempt to Rethink the Main Points and Build the Main Storyline

M. Yu. Alekseev

Financial University; Bank of Russia, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-5059-2329>

ABSTRACT

The collapse of the Soviet Union is one of the most critical events in recent world history, largely predetermining (and to some extent still determining) many processes that are now taking place in our country and abroad. In recent years there have been many attempts to understand, analyse, and explain the reasons for what happened. Nevertheless, there is still much unclear on the question of why the USSR ceased to exist. There are many different, sometimes polar, mutually exclusive opinions and judgments, which are not at all easy to reduce to a holistic, consistent picture. The topic in question is highly politicised. For many reasons, not everyone is indifferent to the form in which one or another interpretation of what happened, and whether the truth can be found. A large number of publications are devoted to economic reforms in the USSR, their background, description and analysis of related events. Many managed to speak out on this matter. Nevertheless, it seems that by no means all the significant points associated with attempts to change the Soviet economic system have still been adequately studied, analysed, illuminated, and presented in the form of a holistic, systemic, detailed picture – description based on the analysis of facts and a large number of points of view, sometimes diametrically opposite.

Keywords: USSR; economic reforms; Gorbachev; Yeltsin; Ryzhkov; Abalkin; Yavlinsky

For citation: Alekseev M. Yu. Economic reforms in the USSR in the 80s–90s of the XX century: An attempt to rethink the main points and build the main storyline. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):43-61. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-43-61

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время вышли в свет отдельные публикации, позволяющие дополнить, углубить и уточнить представления о ходе проводившихся в Советском Союзе в 80–90-х гг. прошлого века экономических преобразованиях. В частности, огромный пласт фактического материала и много новых свидетельств и сведений содержатся в фундаментальной монографии Н. И. Коротова [1]. Автор настоящей публикации, принявший участие в подготовке упомянутой монографии Н. И. Кротова к выходу в свет и написавший к ней обширную вступительную статью, в свое время поставил перед собой задачу, по возможности, максимально кратко и концентрированно выделить в потоке опубликованных сведений наиболее значимые моменты, «реперные», узловые точки и сюжеты и на их основе попытаться описать в самом общем виде историческую и хронологическую логику происходившего в нашей стране процесса реформ. Результаты, полученные в ходе попытки реализации этой задачи, представлены в статье в виде сжатого изложения исторической картины.

ПРЕДЫСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 80-Х ГГ.

После проведения в 1930-х гг. коллективизации, индустриализации и создания плановой системы организации экономики (на которую усилиями некоторых публицистов был навешены ярлык «административно-командной системы») СССР сумел создать довольно мощные для своего времени промышленность и сельскохозяйственное производство, что позволило стране выжить и оказаться в лагере победителей во Второй мировой войне, а также обеспечило небывало высокие темпы восстановления разрушенного народного хозяйства в послевоенный период и бурный экономический рост в 1950–1960-е гг.

В 70-е гг. темпы экономического развития Советского Союза замедлились по сравнению с достигнутыми в предыдущий период пиковыми значениями, хотя в абсолютном размере, даже по меркам нынешнего времени, они оставались вполне приличными. К началу 1980-х гг. негативные тенденции снижения темпов экономического роста, производительности труда, отдачи от основных фондов и ухудшения других экономических параметров сохранились. Обозначенная в свое время перспектива «догнать и перегнать» развитые капиталистические стра-

ны стала казаться ускользающей. В сознании некоторых людей, в том числе отдельных руководителей высокого уровня, складывающаяся ситуация стала восприниматься как проблемная.

ПЕРВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ИЗМЕНЕНИЮ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Так или иначе, но факт остается фактом — по тем или иным причинам Ю. В. Андропов практически сразу после своего назначения Генеральным секретарем ЦК КПСС 12 ноября 1982 г. поручает группе лиц, которым он, видимо, доверял, в числе которых Н. И. Рыжков, М. С. Горбачёв, В. И. Долгих, начать подготовку предложений по реформированию советской экономики. В 1983 г. была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию управления народным хозяйством. Ее номинальным руководителем был назначен Председатель Совета министров СССР Н. А. Тихонов. Под эгидой комиссии началась подготовка документов по изменению советской экономической системы, но работа не была завершена в связи с кончиной Андропова. Как известно, после его смерти в феврале 1984 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал К. У. Черненко, при котором инициированный его предшественником процесс был приостановлен.

ПРОДВИЖЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ М. С. ГОРБАЧЁВА

По всей видимости, назначение Константина Устиновича стало компромиссным решением, отражающим баланс сложившегося к тому моменту расклада сил на вершине советской властной пирамиды, не позволявшим другим претендентам на место первого лица страны сразу после ухода Ю. В. Андропова занять его место. В числе таких претендентов, помимо М. С. Горбачёва, авторы многочисленных публикаций называют члена Политбюро ЦК КПСС Г. В. Романова. Думается, что в случае, если бы ему улыбнулась удача, многое у нас в стране, да и в мире в целом пошло по-другому. Но произошло именно то, что произошло, потому что к решению вопроса о том, кто станет новым лидером советского государства, подключились очень мощные силы как внутри страны, так и за ее пределами, и ими был использован обширный арсенал средств, методов и ресурсов достижения поставленных целей.

Столь большое внимание обстоятельствам и причинам прихода к власти М. С. Горбачёва имеет смысл уделять потому, что одного этого события было достаточно для получения тех результатов, которые сложились в итоге. Есть все основания предполагать, что для развала СССР нужно было всего лишь тем или иным способом поставить во главе государства человека, обладавшего чертами характера, качествами и связями, которые были у Михаила Сергеевича. Безусловно, мы отдаем отчет в том, что такая точка зрения является как минимум не бесспорной, возможно, в чем-то упрощенной и однобоко-примитивной, но это — наша авторская рабочая гипотеза и мы имеем право высказать ее среди многих других позиций.

В многочисленных публикациях на соответствующую тему представлено много суждений о том, что назначение М. С. Горбачёва состоялось не без участия влиятельных зарубежных сил, часто называемых «мировой закулисой», в числе которых М. Тэтчер, Р. Рейган и Г. Коль. По всей видимости, активно способствовали назначению нового генсека и связанные с ним такие противоположные друг другу люди, как А. Н. Яковлев и Е. К. Лигачев, чьи интересы на какое-то время совпали, а также многие другие персонажи.

После формально состоявшегося 11 марта 1985 г. объявления нового руководителя СССР остальное, как представляется, было «делом техники» и только функцией времени. Спустя 15 лет после своего назначения на должность Генерального секретаря ЦК КПСС в интервью словацкой газете *Usvit* («Заря»; № 24 за 1999 г.) М. С. Горбачёв сказал буквально следующее: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Именно поэтому моя жена подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране. Для достижения этой цели я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неопределимы. Мир без коммунизма будет выглядеть лучше».

Попробуем хотя бы вкратце ретроспективно представить основные моменты той драмы, которая развернулась после марта 1985 г. в части, касающейся попыток изменить советскую экономику.

ПЕРВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ НОВОГО ГЕНСЕКА

Сделавшись генсеком, М. С. Горбачёв постепенно сосредоточил в своих руках большую власть. Гиперактивность генсека мотивировалась благими намерениями, декларируемыми в формате лозунгов «изменить жизнь народа к лучшему», «укрепить страну», «ускорить темпы экономического роста» и т.д.

«Процесс пошел» уже через месяц после воцарения нового генсека. 23 апреля 1985 г. в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором М. С. Горбачёв выступил с программным докладом, провозглашающим курс на ускорение экономического и социального развития СССР. В оборот было введено слово «перестройка», а предыдущий период был назван «застоем».

«Новый курс предполагал модернизацию советской системы, внесение структурных и организационных изменений в хозяйственные, социальные, политические и идеологические механизмы. В речи Михаила Горбачёва были сформулированы главные задачи реформирования экономики.

По вопросу о том, насколько на эпоху, предшествовавшую приходу к власти М. С. Горбачёва, правомерно навешивание ярлыка «застой», до сих пор нет общепринятой, устоявшейся в общественном сознании точки зрения. Разумеется, в Советском Союзе в 1970-е и в первой половине 1980-х гг. (как у других подобных обществ, социумов, цивилизаций) были проблемы в экономической, социальной, политической и других сферах. Однако о том, насколько эти проблемы были критическими, фатальными, неустраняемыми в принципе, в чем были их глубинные причины и какими могли быть возможные средства решения, до сих пор высказываются порой самые полярные мнения.

В последние годы бытует мнение, что к середине 1980-х гг. СССР находился в жесточайшем социально-экономическом кризисе, тупике, выход из которого был только один — распад страны, ее демонтаж. В то же время непредвзятый анализ ситуации позволяет сделать и иные выводы: к середине 80-х гг. распад СССР вовсе не был запрограммирован и абсолютно неиз-

бежен, что дела на тот момент были, хотя и не блестящими, но и не катастрофическими, гарантированно ведущими к «летальному исходу». Об этом, в частности, свидетельствуют многие факты, цифры, публикации.

Можно рискнуть выдвинуть рабочую гипотезу о том, что если бы к середине 1980-х гг. к власти в стране пришел бы руководитель, менее решительно настроенный на ломку и перестройку всего и вся, Советский Союз, пусть и не без проблем, в том числе усиливающихся и нарастающих, мог бы еще долго просуществовать.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Для реализации провозглашенного в апреле 1985 г. курса на ускорение социально-экономического развития страны были увеличены расходы на обновление производственных фондов и закупку нового оборудования. Сами по себе дополнительные инвестиции не могли автоматически обеспечить желаемого результата, скорее, наоборот, в условиях, когда приоритет отдавался созданию новых мощностей и производств, а действующие предприятия модернизировались медленно, такие инвестиции замедляли темпы развития.

Для того чтобы производимые дополнительные инвестиции могли обеспечить повышение темпов экономического роста, требовалось правильно организовать модернизацию существующих производств на основе внедрения современных технологий и передовых достижений научно-технического прогресса (НТП). Эти проблемы планировалось рассмотреть на Пленуме ЦК КПСС еще до прихода М. С. Горбачёва к власти и в первые месяцы его руководства страной. Однако довольно скоро повестка дня генсека поменялась, и фокус в ней начал смещаться с насущных экономических задач модернизации производства на основе внедрения передовых научно-технических решений на кадровую и политическую работу. Вместо намеченного на 1986 г. Пленума ЦК по НТП, в начале 1987 г. было организовано мероприятие гораздо более низкого статусного уровня — совещание. Неспособность сфокусировать усилия на решении одной из краеугольных экономических проблем, уделив ей должное внимание и отдав приоритет, как представляется, стала важной, если не сказать решающей, причиной срыва планов ускорения экономического роста.

ИЮньский (1987 г.) Пленум ЦК

Где-то примерно с конца 1986 — начала 1987 г. каким-то образом в сознании отдельных высших политических руководителей страны вопросы реализации провозглашенного в апреле 1985 г. курса на ускорение темпов экономического и социального развития страны стали замещаться новой повесткой дня, в которой начали фигурировать планы радикальной смены экономической системы.

Возможно, на такое смещение акцентов повлияли симпатии, испытываемые М. С. Горбачёвым, А. Н. Яковлевым, Э. А. Шеварднадзе и некоторыми другими высшими партийными руководителями к проводившейся в СССР в 1920-х гг. новой экономической политике (НЭП), основанной на использовании элементов частной капиталистической собственности. Нельзя исключать и того, что отдельные советские политические деятели, работавшие в контакте с некоторыми своими контрагентами за рубежом, из числа так называемой мировой закулисы, уже изначально взяли курс на постепенный демонтаж советской плановой экономической системы и, следуя соответствующим целевым установкам, попытались инициировать движение в соответствующем направлении. Так или иначе, к началу 1987 г. высшим политическим руководством страны была поставлена задача подготовки к середине года Пленума ЦК КПСС, призванного дать мощный толчок перестройке существовавшей в то время экономической системы.

Подобное управленческое решение, характерное для стиля руководства М. С. Горбачёва, создавало проблему реализации решений, которые готовились для пленума. Эти решения разрабатывались не в недрах правительственного аппарата, а вне его, группой лиц, большая часть которых не входила в состав правительства и не должна была отвечать за исполнение того, что нарабатывалось и предлагалось. Такая практика могла расцениваться в определенной мере как знак недоверия к Правительству СССР, выражение сомнения в его способности подготовить целостный план улучшения положения дел в экономике, порождала предпосылки для возникновения трений и даже конфликта между разработчиками концепций и документов и теми, кто, по идее, должен был их воплощать в жизнь. Однако думается, что подобный аппаратный ход был далеко не случайным. М. С. Гор-

бачёв в тандеме со своим ближайшим в то время соратником А. Н. Яковлевым, как представляется, уже тогда ориентировались на отказ от основополагающих принципов советской экономической модели, основанной на государственной (называемой также общенародной) собственности на средства производства, централизованном планировании и распределении Госпланом СССР, Госснабом СССР, Минфином СССР основных материальных и финансовых ресурсов при контроле за уровнем оптовых и розничных цен по линии Госкомцен СССР.

Важным условием успеха задуманного плана, по всей видимости, было привлечение к его непосредственному исполнению группы лиц, способных проявить большую гибкость мышления и потенциально готовых публично отказаться от господствовавших в то время базовых, фундаментальных представлений о том, как должна быть организована экономика социалистического государства, должным образом мотивировав и обосновав свою позицию.

На роль таких лиц хорошо подходили представители академических научных кругов, с которыми были связаны М. С. Горбачёв, А. Н. Яковлев, В. А. Медведев. Под их руководством и/или с их одобрения была сформирована функционирующая на постоянной основе рабочая группа по подготовке материалов экономического пленума, в которую вошли такие высокостатусные экономисты-академики, как А. И. Анчишкин, Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян. От ЦК КПСС их текущую работу организовывал и координировал заведующий сектором экономических наук ЦК О. И. Ожерельев. В какие-то моменты рабочая группа усиливалась временно привлекаемыми к ее работе первым зампредом Госплана СССР С. А. Ситаряном, начальником отдела финансов, себестоимости и цен Госплана СССР В. С. Павловым, главным редактором журнала «Коммунист» Н. Б. Биккениным и некоторыми другими специалистами в своих областях.

Осознавая тот факт, что правительство в лице Совета министров СССР, его аппарата и руководители главных экономических ведомств прогнозируемо будут сопротивляться предлагаемым радикальным изменениям, разработчики материалов пленума вместе с их кураторами задумали применить казавшийся им беспроектным хитрый аппаратный ход. Они решили вынести на пленум, вопреки устоявшимся ранее традициям, не только материалы концептуального

характера, задающие в самом общем виде только главные направления изменения генеральной линии партии, но и пакет обязательных для исполнения правительством готовых решений в виде весьма конкретных, детально прописанных постановлений по широкому кругу вопросов, решение которых должно было быть закреплено одной из высших партийных инстанций.

По всей видимости, расчет делался на достижение молниеносной победы, «блицкрига», за счет эффекта неожиданности и внезапности и лишения правительственных органов возможности повлиять на готовящиеся решения в процессе их предварительной проработки, а также шансов на выхолащивание сути того, что предлагалось после пленума.

В принципе задуманный план удался. Вынесенные рабочей группой по подготовке пленума на его рассмотрение материалы, включавшие набор постановлений и решений, оказались шоком для руководства правительства, они были приняты на партийном форуме, в результате чего руководство Совета министров СССР, как это и было задумано, оказалось просто поставлено перед необходимостью выполнить конкретные, детально прописанные решения ЦК.

Главные разработчики материалов пленума и их кураторы не учли только одной возможности — принятые на пленуме постановления оказались настолько радикальными, идущими вразрез с базовыми представлениями руководства исполнительной власти, что она в лице Н. И. Рыжкова и других его коллег просто пошла на беспрецедентный ответный шаг — проигнорировала принятые решения, от подготовки которых правительство было отстранено. Планы заставить аппарат исполнить то, что ему хотели силовым путем навязать сверху, провалились. Все осталось как было. А между тем, время текло быстро, и в силу разных причин экономическая ситуация в стране стала ухудшаться.

УХУДШЕНИЕ СИТУАЦИИ

В ЭКОНОМИКЕ В 1988–1989 ГГ.

Большинство факторов, обусловивших стремительную деградацию положения дел в экономической области, носило искусственный, рукотворный характер или было обусловлено целенаправленным воздействием извне. Одной из существенных причин ухудшения экономической ситуации в стране стала антиалкогольная кампания, начатая в мае 1985 г. по инициативе

членов Политбюро ЦК КПСС М. С. Соломенцева и Е. К. Лигачева. Уровень потребления алкоголя в СССР к середине 80-х гг. был довольно высок (в пересчете на водочный эквивалент он составлял в среднем примерно 100 бутылок в год на одного взрослого человека). Однако доходы от продажи спиртных напитков формировали значительную часть бюджета. Полезное начинание проводилось агрессивно и было не очень продуманным как в центре, так и на местах. В результате инициаторы кампании и руководство страны, их поддержавшее, умудрились одновременно разозлить народ и поспособствовать снижению государственных доходов, составившему, по некоторым оценкам, около 10% поступлений в бюджет.

Другим важным фактором нарастания экономических проблем стало резкое падение в середине 1980-х гг. цен на нефть. В предыдущее десятилетие стоимость условной нефтяной бочки (барреля) подскочила примерно с 10 до более чем 100 долл., что обеспечило значительный приток валютных поступлений в Советский Союз. Однако к осени 1985 г. влиятельные западные круги через руководство США достигли соглашения с Саудовской Аравией (являвшейся одним из основных поставщиков «черного золота» на мировой рынок) о резком наращивании ею объемов добычи, уровень которой к 1986 г. возрос примерно в пять раз — с 2 до 10 млн баррелей в день. В результате успешно проведенной экономической диверсии был нанесен второй мощный удар по доходам бюджета, уже извне.

Одновременно, как говорилось ранее, в попытке обеспечить ускорение темпов роста социально-экономического развития начиная с 1985 г., были увеличены расходы на приобретение нового оборудования, в том числе иностранного, покупаемого за счет валютных поступлений. Руководство СССР было умело втянуто американцами в очередной виток гонки вооружений, поверив в озвученный президентом Рейганом блеф о возможности осуществления так называемой Стратегической оборонной инициативы (СОИ), предусматривавшей размещение лазерного оружия в космосе. Реагируя на агрессивные действия и риторику заокеанского соседа, советское руководство не жалело денег на новые оборонные программы. Дополнительным бременем на советский бюджет легли многие другие военные расходы, в том числе на войну в Афганистане, на участие в которой советское

руководство было спровоцировано еще в 1980 г.

Резкое сокращение доходов в условиях сохранения и наращивания дополнительных расходов привело к разбалансированию бюджета. Некоторое время дефицит бюджета удавалось скрывать, однако впоследствии его масштабы приняли такой характер, что не замечать их стало невозможным.

Реализуя установку на размывание общегосударственной собственности, советское руководство весной 1987 г. инициировало создание при райкомах комсомола так называемых центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ), по сути, являвшихся кооперативными организациями. За два года в стране было создано более 600 таких центров, многие из которых, пользуясь полученными возможностями, вместо развития официально декларируемой деятельности научно-производственного характера занялись торгово-посреднической деятельностью, в частности закупая за рубежом и перепродавая внутри страны с огромной прибылью компьютерную технику.

Выполняя партийные установки, в феврале 1987 г. Совет министров СССР принял Постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления», открывшее возможность создавать кооперативные предприятия, а уже через год, 26 мая 1988 г., был принят Закон «О кооперации в СССР», существенно расширявший возможности ведения соответствующей деятельности. Многие созданные кооперативы воспользовались открывшимися возможностями получения сырья и материалов по низким государственным ценам с тем, чтобы потом перепродавать их или реализовывать изготавливаемые из них изделия уже по более высоким, «кооперативным, свободным» ценам как внутри страны, так и за рубежом. Принятый Верховным Советом СССР 30 июня 1987 г. и введенный в действие с 1 января 1988 г. Закон «О государственном предприятии (объединении)» узаконил возможность продажи предприятиями части своей продукции по договорным и свободным ценам. Шанс сыграть на разнице между государственными ценами, по которым можно было получать сырье, материалы и продукцию других предприятий и устанавливаемыми по своему усмотрению «свободными» ценами, обогатил многих предприимчивых людей, посчитавших себя свободными от строгих норм советской морали.

В результате принятых руководством страны решений резко возросли получаемые в наличной форме отдельными «инициативными» людьми денежные доходы, использование которых стало оказывать растущее давление на потребительский рынок, на котором товары продолжали реализовываться в основном по фиксированным государственным ценам. Расширение свободы предприятий по выплате своим работникам средств из фондов экономического стимулирования привело к росту заработных плат, премий и иных доходов граждан, не обеспеченных в должном объеме аналогичным приростом товарной массы. Как следствие, в 1987 и 1988 гг. по и без того не сильно сбалансированному потребительскому сектору экономики был нанесен мощный удар, многократно усиливший товарный дефицит.

Попытки хоть как-то сбалансировать этот дефицит, ограничив возможность наращивания денежных выплат работникам «налогом» на рост фондов экономического стимулирования с тем, чтобы поставить их увеличение в зависимость от роста производительности труда, или усилия по насыщению рынка новым производством товаров и их закупкой по импорту из-за рубежа, не давали желаемых результатов.

Отчасти образовавшиеся проблемы могли быть амортизированы через проведение комплексного пересмотра оптовых и розничных цен. Такой пересмотр был в 1987 г. подготовлен Госкомцен СССР под руководством В. С. Павлова и запланирован в рамках принятого июньским Пленумом ЦК КПСС пакета постановлений. Однако, открыв с одной стороны шлюзы для роста денежных доходов населения, правительство страны, возглавляемое Н. И. Рыжковым, и политическое руководство, возглавляемое М. С. Горбачёвым, в последний момент побоялись менять оптовые и розничные цены в сторону повышения, опасаясь «негативных социальных последствий», т.е. усиления недовольства народа. Подобные непоследовательность и нерешительность, проявленные там, где их нельзя было проявлять, не позволили нейтрализовать негативные последствия принятых в 1987–1988 гг. решений. В итоге посадка экономики сделалась действительно жесткой.

КОМИССИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ

Правительство Николая Ивановича Рыжкова, да и он сам, прежде всего, оказались в непростой

ситуации. Успехов было мало, а уклонение от реализации в полном объеме навязанных Совету министров СССР через июньский (1987 г.) Пленум ЦК решений чем дальше, тем больше подставляло правительство под удар критики с разных сторон. На состоявшейся в середине 1988 г. XIX партийной конференции избранный делегатом этого мероприятия академик Л. И. Абалкин не упустил возможность критически высказаться по поводу реализации того курса, который был намечен подготовленным с его участием для июньского пленума пакетом документов.

Скорее всего, где-то в тот момент председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков для того, чтобы усилить позиции правительства по своей инициативе и/или по подсказке со стороны взял курс на сближение с академической наукой в лице Л. И. Абалкина, решив «перетянуть» одного из разработчиков материалов к июньскому (1987 г.) Пленуму ЦК на свою сторону. Сначала он предложил академику посетить заседание Президиума Совета министров. Потом последовало поручение возглавляемому Л. И. Абалкиным Институту экономики Академии наук СССР представить к концу 1988 г. «предложения по совершенствованию проводимой в стране экономической реформы». На состоявшемся 4 января 1989 г. заседании Президиума Совета министров СССР эти предложения в течение примерно шести часов долго и подробно обсуждались в рамках широкого обмена мнениями по оценкам состояния и перспектив развития экономической ситуации в стране. По итогам обсуждения было сформулировано предложение разработать программу финансового оздоровления народного хозяйства, целью которой стало бы сокращение бюджетного дефицита, нормализация денежного обращения и стабилизация потребительского рынка.

Через полгода Л. И. Абалкин получил от Н. И. Рыжкова предложение возглавить создаваемую в рамках аппарата Совета министров СССР Государственную комиссию по экономической реформе, войдя при этом в состав правительства в ранге заместителя председателя Совета министров СССР. Пришла ли эта идея Н. И. Рыжкову самостоятельно или кто-то ее ему «подбросил» — нам неизвестно. Однако 27 июля 1989 г., вечером, непосредственно перед утверждением его кандидатуры на пленарном заседании Верховного Совета СССР, у Абалкина состоялась частная

встреча с известным финансистом и «филантропом» Джорджем Соросом, очень похожая на смотрины. Можно предположить, что этот представитель одного известного международного влиятельного клана уже в 1989 г. начал оказывать определенное влияние на ключевые события советской общественно-политической жизни, хотя, конечно, такое предположение, скорее, пока можно отнести к области догадок.

Государственная комиссия по экономической реформе была образована 5 июля 1989 г. во исполнение решения I Съезда народных депутатов СССР Постановлением Совета министров СССР № 538. Этим постановлением упразднялась действовавшая в то время Комиссия по совершенствованию хозяйственного механизма, часть аппарата и материально-технической базы которой были использованы в структурах нового органа.

Приход такого крупного ученого-экономиста, как Л. И. Абалкин, в правительство и налаживание его конструктивного взаимодействия с опытным управленцем-практиком Н. И. Рыжковым давало шанс на создание своеобразного рабочего тандема. Однако их деятельность оказалась контрпродуктивной. Хотя то, как все начиналось, порождало иллюзию отнюдь не совсем безнадежных перспектив.

В структуре Правительства СССР за счет мобилизации внутренних ресурсов была изыскана возможность образования под руководством Л. И. Абалкина довольно сильного по меркам любого времени рабочего аппарата Государственной комиссии по экономическим реформам. Аппарат этот был сформирован на основе ранее функционировавшего отдела Совета министров СССР, занимавшегося (хотя и не с таким радикализмом и размахом) решением в чем-то схожих, но гораздо более скромных задач «совершенствования хозяйственного механизма». В штат комиссии вошло более 100 специалистов разного профиля, в том числе довольно грамотных теоретиков и практиков с неплохими по меркам того времени окладами, с широким набором прав и полномочий, с хорошим обеспечением всей доступной информацией относительно положения дел в экономике. Сотрудникам комиссии и членам правительства была предоставлена возможность выезжать за рубеж «для ознакомления с зарубежным опытом». Для некоторых участников процесса такие поездки действительно были нечто

большим, чем обыкновенно практикуемый «деловой туризм».

Результат не заставил себя ждать. Аппарат Государственной комиссии по экономической реформе под руководством Л. И. Абалкина в тесном взаимодействии с правительством и его ключевыми фигурами сумел примерно за год довольно глубоко и системно по меркам своего времени проработать большой комплекс вопросов, связанных с направлениями возможных экономических преобразований, выдав итоговый документ, в котором предлагались три возможных варианта действий. Эти варианты были условно обозначены как умеренный, радикальный и умеренно-радикальный, т. е. компромиссный. Председатель Совета министров СССР изначально высказывался в пользу умеренного варианта реформ. Заместитель Н. И. Рыжкова Л. И. Абалкин обозначил, что он склоняется в сторону «умеренно-радикального варианта».

Для того чтобы подготовить общественность к лучшему восприятию новых возможных планов правительства, получить мнение широкого экспертного сообщества и заручиться его поддержкой, 13–15 ноября 1989 г. в Колонном зале Дома союзов была устроена экономическая конференция, на которой наработки правительственной комиссии впервые были представлены широкой публике. В работе конференции приняли участие высшие политические руководители страны: М. С. Горбачёв, Н. И. Рыжков, члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, члены правительства. Возможность публично высказать свое мнение относительно сложившейся ситуации, возможных вариантов действий и распространенных материалов, подготовленных правительством, получили около 250 человек, в том числе ведущие академики, ученые, министры, хозяйственники, публицисты и популярные тогда общественные деятели.

По итогам конференции некоторые высказанные в ходе нее замечания и соображения были учтены в наработках правительства, и уже через две недели Н. И. Рыжков подписал окончательно утвержденный им вариант доклада II Съезду народных депутатов СССР, представляющего предложения по реформированию экономики. С некоторыми положениями итогового документа далеко не все лица, участвующие в подготовке концепции, были согласны, включая главного разработчика — Л. И. Абалкина, но время торопило, и надо было выдавать хоть какой-то продукт.

Представляя от своего имени предложения по реформированию экономики, правительство в неявном виде снимало с повестки дня необходимость выполнения решений, вмененных ему в обязанность июньским (1987 г.) Пленумом ЦК.

На проходившем с 12 по 24 декабря II Съезде народных депутатов СССР Н.И. Рыжков представил предложения правительства по проведению экономических реформ. В отличие от практики предыдущего времени, доклад Председателя Совета министров СССР не был сразу «горячо и единодушно» одобрен съездом, попав под перекрестный огонь острой критики с разных сторон. Триумфом такое выступление точно назвать было нельзя.

По всей видимости, не позднее конца 1989 г. у влиятельных политических сил внутри России и за ее пределами начал оформляться тактический курс на «заваливание» правительства Н.И. Рыжкова. Представители оформившегося к тому времени оппозиционного блока внутри Верховного Совета СССР, называемого «межрегиональной депутатской группой», строго соблюдая полученные установки и дисциплину в координации (или без таковой) с другими делегатами, развернули активную кампанию по дискредитации советского правительства. «Вишенкой на торте» стал пробный шар, брошенный народным депутатом Г.И. Фильшиным в виде требования «использовать наше право на недоверие правительству, а оно может использовать свое право на отставку».

Не в восторге от занятой правительством позиции был и М.С. Горбачёв, который позднее в своих мемуарах написал буквально следующее: «Что касается самой экономической реформы, бросалось в глаза одно очень существенное обстоятельство. Ни в письменном докладе, ни в устном выступлении Рыжкова не были проанализированы итоги предшествующего ее этапа, не упоминались принципиальные решения, принятые в 1987 г. По чьей вине они остались, по сути дела, на бумаге? Если оказались недостаточными и тем более ошибочными — надо было сказать, в чем именно, извлечь уроки. Если по каким-то другим причинам — сказать о них. А тут просто сделали вид, будто все начинается с нуля. <...> Часовой доклад Рыжкова оказался расплывчатым, не давал четкого и ясного ответа на возникшие проблемы. <...>».

Правительство представлялось критиками как сообщество консерваторов, а предлагаемый им

комплекс мер по реформированию экономики как недостаточно радикальный.

Несмотря на критику правительства, в конечном итоге 19 декабря 1989 г. депутаты поименным голосованием большинством в 1532 голоса при 419 проголосовавших против и 44 воздержавшихся в целом одобрили представленную правительством концепцию экономической реформы, поручив правительству подготовить к 1 сентября 1990 г. проект пятилетнего плана на 1991–1995 гг. Правительству было предписано осуществить в течение 1990 г. меры по насыщению потребительского рынка страны, увеличив на 20% производство товаров народного потребления. Также Совету министров поручили провести финансовую реформу, ускорить принятие законов о собственности, о земле, о социалистическом предприятии, об общих началах руководства экономикой и социальной сферой в союзных и автономных республиках, о разграничении полномочий между Союзом ССР и союзными республиками.

НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В 1990 г. правительству надо было заниматься реализацией предложенной им и формально одобренной на II Съезде народных депутатов СССР программы действий и выполнением сформулированных депутатами пожеланий. Кажется, что, несмотря на непростую обстановку, оставались шансы улучшить ситуацию. К началу 1990 г. положение дел еще не воспринималось как катастрофическое. Согласно официальной статистике ВВП вырос на 3,7%, а производительность труда — на 2,3%. Это было меньше плановых заданий (5,7 и 4,5% соответственно), но все же это был приличный рост, особенно по меркам нашего времени. Объем продаваемых на розничном рынке отечественных потребительских товаров увеличился по сравнению с предыдущим годом на 7%, на 19% возрос импорт. В целом розничный товарооборот увеличился за год более чем на 10%, однако при этом примерно на 10% в среднем возросли и цены.

При приросте производства на 1,7% прирост заработной платы составил 12%. Если в 1985 г. в обращение поступили только 4 млрд руб. наличных денег, то в 1989 г. масштабы денежной эмиссии увеличились в 4,5 раза (до 18 млрд руб.), что привело к резкому росту давления на потребительский рынок и обострению проблемы товарного дефицита, «вымыванию» доступного

ассортимента и опустошению полок магазинов. Необеспеченные соответствующим приростом товарной массы денежные доходы населения в 1989 г., по сравнению с предшествующим годом, увеличились на 13%. По итогам 1989 г. превышение доходов над расходами бюджета составило более 90 млрд руб., или около 10%.

В таких непростых условиях союзное правительство уже не было уверено в том, что у него есть все необходимые возможности и рычаги для кардинального изменения ситуации к лучшему. Будучи опытным аппаратчиком Н. И. Рыжков, очевидно, из желания «подстраховаться», параллельно с созданием Государственной комиссии по экономическим реформам под руководством Л. И. Абалкина сформировал еще несколько рабочих групп, которые готовили для него материалы и предложения по возможным планам действий на разные случаи. Одну из таких «резервных» структур возглавил первый заместитель Н. И. Рыжкова, председатель Госплана СССР Ю. Д. Маслюков. Члены его команды, занимавшиеся подготовкой плана XIII пятилетки (на 1991–1995 гг.), считали, что, прежде чем начинать радикальные экономические преобразования, следует обеспечить сбалансированность пропорций промышленного производства, и поэтому, чтобы «не вносить сумятицы», предлагалось отложить радикальную составляющую реформ на два года.

Ю. Д. Маслюков и Л. И. Абалкин конструктивно взаимодействовали друг с другом. Они решили объединить усилия своих коллективов и 17 февраля 1990 г. отправили Н. И. Рыжкову совместное письмо, предлагающее доработать правительственную программу. К письму были приложены две записки: «О предполагаемых мерах нормализации положения в экономике» (1-й вариант) и «О путях преодоления экономического кризиса» (2-й вариант). Два заместителя председателя правительства обозначили, что второй вариант им видится как более предпочтительный [2, 3].

В упомянутом выше письме Н. И. Рыжкову и в прилагаемых к нему материалах ставился вопрос о рисках и издержках, которые могут повлечь за собой попытки проведения радикальных экономических преобразований. Буквально говорилось следующее.

По итогам рассмотрения поступивших на его имя предложений Н. И. Рыжковым было принято решение вернуться к идеям отвергнутого им

ранее радикально-умеренного варианта экономических реформ (к которому его в предыдущем году пытался склонить Л. И. Абалкин) и разработать очередной вариант «Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике» с учетом новых, более жестких сроков ее реализации и перспектив получения для этой цели дополнительных полномочий (возможностей). 11 марта 1990 г. Совет министров СССР принял Постановление № 257 «О подготовке материалов для осуществления перехода к планово-рыночной экономике». Этим решением был инициирован новый виток работ по созданию очередного варианта правительственной программы рыночных реформ, ставшей впоследствии известной под именем «программы Рыжкова–Абалкина».

Градус радикализма готовящихся предложений повышался, но, как обычно, среди работников очередного плана реформ не было согласия по поводу их темпов и содержания. Наиболее агрессивные настроенные реформаторы предлагали начать разрубать клубок экономических проблем «одним ударом» уже с 1 июля 1990 г., менее решительные головы рекомендовали начать это делать хотя бы с 1 января 1991 г.

18 апреля 1990 г. в Кремле состоялось совместное заседание Совета Федерации и Президентского совета СССР. На этом мероприятии обсуждались возможности и пути перехода экономики страны на принципы регулируемого рынка, в частности, были представлены на скорую руку составленные правительством новые предложения по планам проведения экономических реформ. Этим новым проектом правительство, по сути, дезавуировало ту программу, которая за четыре месяца до этого была представлена им II Съезду народных депутатов СССР и по итогам сложных дискуссий, в конце концов, получила формальное одобрение этого органа власти.

Новоиспеченный Президент СССР, комментируя эту пикантную ситуацию, ограничился тем, что предложил «сделать должные выводы из неудач в выполнении правительством системы мер, утвержденных вторым Съездом народных депутатов, позаботиться о более глубокой научной проработке намеченных мероприятий». Представленный правительством новый вариант программы посоветовали доработать. М. С. Горбачёв предложил серьезно продумать механизм реализации нового плана реформ, разработать систему управления как всей этой программой, так и отдельными ее компонен-

тами, порекомендовал больше советоваться с учеными-экономистами, хозяйственниками, представителями республик, местных органов власти. Тем самым очередной виток программоторческой работы получил свое высочайшее одобрение, и процесс снова пошел.

Вместо предложения принять новую, более радикальную программу реформ правительство вышло на Президентский совет с более приземленными конкретными предложениями, направленными на преодоление товарного дефицита и, хотя бы частичную, корректировку растущего дисбаланса между доходами населения и товарной массой. Имелось в виду повысить примерно на 20% розничные цены на разного рода товары и продукты, в том числе на хлеб и табак. Эти предложения не были поддержаны, и вопрос был также отправлен на дополнительную проработку.

Получив очередной карт-бланш на доработку экономических программ, правительство через аппарат Государственной комиссии по экономической реформе активизировало работу по соответствующим направлениям. Для того чтобы подкрепить свои позиции авторитетными мнениями, в середине мая комиссия приняла решение о проведении зарубежной экспертизы готовящихся в ее недрах проектов новых законодательных и нормативных актов по переходу к регулируемой рыночной экономике. К этой работе были привлечены эксперты по линии различных международных структур — Международной торговой палаты, секретариата Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), Международного валютного фонда, Европейской экономической комиссии, Комиссии европейских сообществ.

22 мая 1990 г. в Кремле под председательством президента состоялось очередное совместное заседание Совета Федерации и Президентского совета СССР, на которое была вынесена очередная версия концепции перехода к регулируемой рыночной экономике, переработанная с учетом замечаний и предложений, высказанных на предыдущих слушаниях, состоявшихся за месяц до этого. При этом правительство вновь вышло с предложениями о повышении цен, которые на сей раз формально не были заблокированы, как казалось участникам событий, и получили одобрение М.С. Горбачёва.

Через день, 24 мая, новая правительственная программа вместе с предложениями о пе-

ресмотре розничных цен должна была быть представлена на III Сессии Верховного Совета СССР в рамках доклада Председателя Совета министров СССР «Об экономическом положении страны и о концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Неожиданно перед запланированным на 10 часов утра выступлением Н.И. Рыжкова слово взял М.С. Горбачёв, буквально ошарашивший членов правительства и других лиц своим спонтанным заявлением: «Николай Иванович решил начать реформу со значительного повышения цен на основные продукты. Мне кажется, он не прав, прежде надо было посоветоваться с людьми!»

Выступление председателя Совмина длилось два часа. В нем звучали очень тревожные факты. В частности, было сказано, что «Национальный доход только за четыре месяца сократился на 1,7%, а денежные доходы увеличились на 13,4%... за минувшие два года доходы населения возросли на 105 млрд руб., или на 23%. Это почти равно их абсолютному приросту за предыдущие 7 лет». Преодолению этих негативных тенденций должна была служить предлагаемая правительством новая программа реформирования экономики, реализуемая поэтапно. При этом премьер-министром было заявлено, что «в первые два года нам нельзя бросать народное хозяйство в свободу рынка». Н.И. Рыжков, как мог, пытался убедить депутатов в необходимости пересмотра системы цен, заявив следующее: «Отказываться сейчас от такого шага, как реформа ценообразования, — значит, усложнять проблему. Достаточно сказать, что в 1988 г. речь шла о пересмотре цен на сумму около 100 млрд руб. Сегодня приходится говорить примерно о 200 млрд руб. Если тянуть дальше, то цифра скоро поднимется до 300 млн или даже до 400 млрд рублей».

Развернувшаяся по поводу предложений правительства дискуссия выдалась еще более острой, чем состоявшееся в декабре 1989 г. обсуждение предыдущего доклада Председателя Совмина на II Съезде народных депутатов СССР.

Депутаты оппозиционного блока (Межрегиональной депутатской группы) заявили, что правительство не управляет экономикой, делает попытку выйти из кризиса за счет снижения и без того низкого уровня жизни народа, что у него нет концепции перехода к рынку, потребовали поставить на голосование вопросы об отклонении правительственной програм-

мы как экономически необоснованной, а также о проведении всенародного референдума по соответствующим вопросам.

На сессии раздавались и отдельные голоса в поддержку правительственной позиции. В конце концов, по итогам долгих и острых дебатов планы правительства по переводу экономики страны на рыночные отношения формально в общем и целом были одобрены, однако с оговорками, предлагающими правительству вновь доработать свою очередную программу с учетом результатов ее обсуждения на сессии и альтернативных предложений ученых, научных и общественных организаций. При этом воодушевленные позицией М. С. Горбачёва депутаты заблокировали предложение о повышении цен с 1 июля 1990 г.

Озвученные на третьей сессии Верховного Совета СССР, но не поддержанные им предложения по повышению розничных цен произвели разрушительное воздействие на и без того вошедший в состояние глубокого стресса потребительский рынок. Население, понявшее, что рано или поздно цены на многие товары и продукты будут повышены, бросило оставшиеся у него на руках денежные сбережения на то, чтобы запастись впрок всем, чем только можно по старым ценам. В результате с полок магазинов стало сметаться все подряд.

Формально представленная в мае на III Сессии Верховного Совета СССР новая версия правительственной программы экономических преобразований после ее очередной доработки по результатам парламентского обсуждения должна была выноситься для окончательного утверждения на III Съезд народных депутатов СССР в сентябре 1990 г. Правительство и разработчики концепции реформ, хотя и были шокированы шквалом обрушившейся на них острой критики с разных сторон, а также деморализованы непоследовательными метаниями Президента СССР, не оказавшего ожидавшейся от него поддержки по жизненно важному вопросу корректировки цен на некоторые основные виды товаров и продуктов, стиснув зубы, планировали довести начатую им работу до конца, постаравшись добиться в конечном итоге принятия своих предложений. В сложившейся крайне непростой и нервной обстановке начался очередной этап написания программы реформ и обеспечивающих ее реализацию проектов законодательных и нормативных актов.

Однако последовавшая после III Сессии Верховного Совета СССР череда неожиданных, почти фантастических шоковых событий, по всей видимости, превзошла даже самые пессимистичные ожидания правительственной команды. В сложившейся поистине революционной ситуации в дело начал вмешиваться так называемый субъективный фактор. Произошло то, что мало кто мог вообразить.

НОВЫЕ ТВОРЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОГРАММ

В сентябре 1989 г. Л. И. Абалкин пригласил в возглавляемую им Комиссию по экономической реформе своего бывшего аспиранта Г. А. Явлинского, работавшего начальником управления социального развития и народонаселения Госкомтруда СССР. По всей видимости, академик Абалкин не мог в тот момент вообразить, что его молодой ученик спустя немного времени вместо оказания ожидавшейся от него помощи создаст ему, всему союзному правительству и вынашиваемым комиссией вариантам реформирования экономики колоссальную проблему, которая, возможно, в значительной степени приведет к отставке правительства и уходу академика из власти чуть больше чем через год.

Про программы, которые готовились Г. А. Явлинским и/или с его участием, написано много всякого, иногда показания «очевидцев» событий не совсем сходятся, не полностью стыкуются, а в ряде случаев они несколько противоречат друг другу.

Если опираться на воспоминания самого Г. А. Явлинского, то картина вырисовывается примерно такая. Сначала он, используя наработки и материалы, сделанные в недрах комиссии его коллегами, а также кое-какие сведения, собранные им самим, попытался просто «на коленке» набросать возможную последовательность и «календарный план-график» форсированного осуществления в очень короткий срок крайне радикальных, по сути, революционных преобразований. Эта работа была начата с тем наивно выглядящим (с позиций нынешнего исторического знания) предположением, что, сделавшись Президентом СССР, М. С. Горбачёв «сосредоточит в своих руках необъятную власть» и окажется способен (и главное — захочет!) единолично принимать один за другим законы, решения и нормативные акты строго по расписанию, подготовленному им Г. А. Явлинским.

Со слов Г.А. Явлинского, значительная часть работы по составлению «плана-графика» форсированного реформирования экономики выполнялась его тогдашними ближайшими помощниками, недавними студентами Института народного хозяйства имени Плеханова М.М. Задорновым и А.Ю. Михайловым. Составленный этими тремя лицами самый первый вариант «новой экономической программы» сжимал расписываемые правительством на несколько лет и этапов мероприятия по переходу от плановой социалистической экономики к капиталистическому рынку до одного года и месяца, округленно до 400 дней.

Наспех исполненный график реформ не мог быть использован по своему, изначально замышлявшемуся, прямому назначению — стать руководством к действию для «реформатора» М.С. Горбачёва. И дело было не только в качестве самого первого варианта плана-графика «400 дней». Ближайшее окружение генсека-президента просто-напросто заблокировало бы появление неизвестно откуда и от кого взявшихся легковесных программных деклараций, не шедших весной 1990 г. ни по объему, ни по качеству, ни по глубине проработки ни в какое сравнение с солидными трудами правительственной Комиссии по экономической реформе.

К тому же в стремлении «получить доступ к телу» нового президента страны у Г.А. Явлинского были в то время более солидные конкуренты, которые мыслили примерно таким же образом, как он сам, так что «молодой реформатор» не был вполне оригинален. Помимо группы Г.А. Явлинского к весне 1990 г. стали появляться и другие лица, решившие перехватить у правительственного аппарата инициативу в плане разработки программ перестройки экономики. Так, например, 12 марта, за три дня до официального вступления Горбачёва в должность Президента, назначенный незадолго до этого его экономическим советником Н.Я. Петраков по своей инициативе передал ему документ, называвшийся «Экономическая программа Президента СССР». Эта бумага была на скорую руку подготовлена им совместно с Б.Г. Федоровым, работавшим тогда консультантом в социально-экономическом отделе ЦК КПСС. Ей не был дан ход, однако привлечение Б.Г. Федорова к разработке экономической программы имело последствия в будущем.

Возможно, подготовленный Г.А. Явлинским и его молодыми помощниками первый вариант плана «400 дней» так и остался бы где-нибудь в уцелевших или уже утраченных к настоящему времени архивах с материалами сотрудников Государственной комиссии по экономическим реформам, если бы не один трагикомический случай. Г.А. Явлинский имел особенность показывать свои наработки, разумеется, взяв предварительно обязательство держать их ото всех в глубокой тайне, некоторым своим ближайшим «товарищам» и коллегам. В их числе оказался и сотрудник комиссии П.И. Субботин. По поводу обстоятельств своего ознакомления и дальнейшего обращения с «программой Явлинского» в опубликованных воспоминаниях он дает несколько путаные и противоречивые показания: «Вскоре он [Г.А. Явлинский. — Прим. авт.] пришел ко мне с программой „400 дней“. Когда я ее начал читать, то догадался, что это творение Явлинского. Но Григорий Алексеевич к тому моменту ограничил круг людей, с которыми делился своими достижениями, — номенклатуру рассылки он закрыл — и я этой работы не видел. Хотя теперь я уверен, что „в народ“ утечку программы сделал сам».

Что бы ни говорил впоследствии П.Я. Субботин, но он без разрешения кого-либо тайно поделился этими материалами с весьма известным и казавшимся очень перспективным в то время хозяйственным деятелем М.А. Бочаровым, руководителем «гремевшего» тогда в средствах массовой информации на всю страну Бутовского производственно-строительного концерна «БУТЭК», в котором осуществлялся очередной «экономический эксперимент», направленный на внедрение «новых форм планирования и экономического стимулирования». М.А. Бочаров в то время был заметным общественным деятелем, делегатом Верховного Совета РСФСР, близким к структурам власти тогдашнего РСФСР и к назначенному 29 мая 1990 г. (с третьей попытки) для создания противовеса М.С. Горбачёву на роль «тарана» союзных структур председателю этого органа власти Б.Н. Ельцину. Руководитель концерна «БУТЭК» планировал, заручившись поддержкой Б.Н. Ельцина, избраться на заседании Верховного Совета РСФСР на должность Председателя Совета министров РСФСР, для чего не хватало самой малости — экономической программы (предварительное «согласие» Б.Н. Ельцина выдвинуть

и поддержать его кандидатуру вроде как было получено, хотя, конечно, М.А. Бочаров должен был догадываться, что к словам политиков надо относиться осторожно).

В сложившемся раскладе М.А. Бочарову, как нельзя кстати, пригодился контакт с сотрудником комиссии союзного правительства по экономической реформе П.Я. Субботиным, который курировал вопросы «бутовского экономического эксперимента». Нарушив все принятые на себя формальные и неформальные обязательства, тот передал М.А. Бочарову наработки, сделанные Явлинским и его коллегами, по всей видимости, наивно рассчитывая, что этот «тихий слив» останется никому не известным и обойдется без последствий. Однако Субботин был разоблачен и получил порицание от академика Абалкина. Но случилось это уже после того, как М.А. Бочаров обнаружил как свои материалы, реальными авторами которых были Г.А. Явлинский и его молодые коллеги, поменяв на всякий случай только название и срок реализации предлагавшегося ими плана-графика действий с 400 до 500 дней.

В разное время Г.А. Явлинский по-разному представлял нюансы интриги, в которую он попал. «Я пошел в Кремлевский Дворец съездов, где проходил Съезд народных депутатов РСФСР, разыскал Бочарова и сказал ему: „Некрасиво получается — взяли чужую программу и используете как вздумается“. Поговорили. Он спрашивает: „Что теперь делать?“ Я сказал, что скажу об этом только Ельцину. Бочаров меня представил ему как автора программы „500 дней“»¹.

Позднее Явлинский раскрыл подробности своего общения с Б.Н. Ельциным во время их первой встречи, организованной М.А. Бочаровым. «Бочаров представил меня, назвав автором программы. Это подтвердил и присутствующий Ясин. Я предупредил Бориса Николаевича, что моя программа касается Союза, а не отдельной республики. Кроме того, ее нельзя сделать безболезненной»². Ранее Б.Н. Ельцин, пытаясь представить дело таким образом, что у российских властей имеются собственные наработки экономической программы, говорил про переданный ему Бочаровым план «500 дней», упоминая при этом, что его реализация не потребует никакого повышения цен и поэтому

русская программа, в отличие от союзной, «безболезненна».

«Выслушав меня, Ельцин сказал: „Понял, но надо сделать все, как я уже сказал!“ Я удивился: „Как же я сделаю так?!“ — и услышал ответ: „А это я не знаю! Но вы должны сделать, так, как я вам сказал! РСФСР! Прогрессивная! 500 дней!“ После чего предоставил на эту работу сутки. С этим заданием я вышел из кабинета Бориса Николаевича, было 8 утра. Евгений Григорьевич сказал, что у него срочные дела, и покинул Белый дом. Нужно было что-то делать, и я придумал: никакая республика, даже РСФСР, самостоятельно не могла ее реализовать. У нее, кроме прачечных, ничего не было. Но Россия должна своими действиями заставить Союз выполнять эту программу! Таким образом, русская программа будет продвигаться союзным правительством. Позже я узнал, что программу с моего компьютера в Совете министров скачал Павел Субботин и отдал ее Бочарову. Тот с программой прибежал к Ельцину. Борис Николаевич сказал, что 400 дней — не красиво, надо сделать 500. На Россию ничего они не переделывали, чепуха это!»³

Так, по воле случая Г.А. Явлинский получил возможность реализовать свои наработки, готовившиеся им для М.С. Горбачёва, у его политического противника — Б.Н. Ельцина. В качестве компенсации за свои услуги он вскоре получил должность заместителя председателя Совета министров РСФСР.

К слову сказать, М.А. Бочаров, в конце концов, так и не был назначен на должность председателя Совета министров РСФСР, которая, как известно, досталась И.С. Силаеву.

Поставленная Б.Н. Ельциным перед Г.А. Явлинским задача в кратчайший срок трансформировать свои наработки, готовившиеся как концепция общесоюзного плана реформ в масштабах всего СССР в экономическую программу одной из пятнадцати союзных республик, пусть и самой большой, которой в то время являлась РСФСР, была невыполнимой. В отрыве от Центра одна республика не имела возможности коренным образом перестроить свою экономическую систему. Единственный шанс хоть как-то выйти из затруднительного положения ему виделся в том, чтобы каким-то образом заставить союзное руководство вместе с руководством

¹ Интервью Г. Явлинского Е. Яковлеву. Гиперболоид Григория Явлинского // Московские новости. 06.01.1991.

² Запись беседы Н.И. Кротова с Г.А. Явлинским. Москва. 16.07.2019 г. Архив АНО «Экономическая летопись».

³ Запись беседы Н.И. Кротова с Г.А. Явлинским. Москва. 16.07.2019 г. Архив АНО «Экономическая летопись».

РСФСР принять программу «400/500 дней» как общий союзно-республиканский совместный план перехода к рынку. Препятствием на пути к реализации этого начинания стояло тогдашнее Правительство СССР вместе с Комиссией по экономической реформе. Без поддержки М. С. Горбачёва ситуация была бы абсолютно безвыходной. Что бы Б. Н. Ельцин ни заявлял о способности и готовности РСФСР самостоятельно и тем более «безболезненно» провести радикальные экономические реформы, обеспечивающие переход к рынку без поддержки союзных властей, было ясно, что он блефует, пытаясь оказать на Центр психологическое давление. Что касается М. С. Горбачёва, то после провала 29 мая 1990 г. делавшихся им попыток воспрепятствовать назначению Б. Н. Ельцина главой законодательной власти в крупнейшей союзной республике, он находился в затруднительном положении. За более чем пять лет перестройки генсек-президент уже порядком поистратил тот большой кредит доверия, которым он пользовался в первые месяцы после своего прихода к власти, вызвал недовольство и разочарование очень многих и уже не мог уверенно смотреть в будущее. Влиятельные силы внутри страны и за ее пределами начали использовать его оппонента в роли противовеса, с тем, чтобы сделать его, с одной стороны, еще более управляемым, а с другой стороны, легко заменимым на нового лидера, когда он растеряет остатки своего политического капитала и влияния. Такое развитие событий было весьма вероятным и не за горами, существовал риск того, что М. С. Горбачёва каким-то образом отодвинут от власти, а на смену ему теоретически могли прийти совсем не те, кого хотели бы видеть силы, заинтересованные в радикальной трансформации и/или ликвидации СССР. Поэтому о сменщике пытались позаботиться заранее и попавший под удар Президент Советского Союза не мог не чувствовать угрозы, исходящей от своего бывшего партийного «товарища».

Представляется, что, не сумев допустить возврата Б. Н. Ельцина во власть, М. С. Горбачёв решил попробовать поменять курс на прямо противоположный и если не задружиться опять с человеком, которого он недавно пытался заблокировать, то хоть как-то нейтрализовать его негативный настрой по отношению к себе. И тут неожиданно возникший на горизонте Г. А. Явлинский со своей казавшейся изначально-

но безумной идеей организации совместной союзно-российской работы над единой программой реформ (разумеется, под его личным руководством) пришелся как нельзя кстати.

Бывший в то время экономическим советником М. С. Горбачёва Н. Я. Петраков так вспоминает соответствующий решающий момент: «В ходе обсуждения мы пришли к общему выводу, что надо попытаться объединить Горбачёва и Ельцина, с тем, чтобы они дали совместное распоряжение по подготовке новой программы перехода к рынку, программы, единой как для России, так и для Советского Союза в целом. Я предложил Григорию Явлинскому написать лично письмо Михаилу Сергеевичу Горбачёву... Я направился с этим письмом к Горбачёву. В его кабинете в Кремле сидели Яковлев и Примаков. <...> Горбачёв сначала бегло стал просматривать текст, потом его внимание мгновенно обострилось, и он уже вторично вчитался в послание Явлинского. „Где этот парень?“ — обратился он ко мне с явными признаками радостного оживления. — „...Зови его скорее“. Через 20 минут Явлинский был в Кремле» [4].

По словам Н. Я. Петракова, М. С. Горбачёву предложенная идея чрезвычайно понравилась. Дальше надо было еще уговорить на совместную работу Б. Н. Ельцина. Чтобы выполнить эту непростую задачу, Г. А. Явлинский решил слетать в Юрмалу, где председатель Верховного Совета СССР в то время проводил отпуск. Согласие было получено не без колебаний. В конце концов, старые «друзья-враги» вроде как договорились о совместной работе над общим планом экономических реформ.

Для полного успеха надо было решить еще одну проблему. Требовалось убедить главу союзного правительства Н. И. Рыжкова тоже подписаться под этой инициативой. Понятно, что ни Н. И. Рыжков, ни Л. И. Абалкин совершенно не были в восторге от того, что теперь им придется то ли на равных, то ли вообще в положении ведомых участвовать в процессе, где с другой стороны субъектами взаимодействия будут Б. Н. Ельцин (с которым у Н. И. Рыжкова были плохие отношения) и Г. А. Явлинский, в недавнем прошлом сотрудник Комиссии по экономической реформе, переметнувшийся с наработками, сделанными во время работы в союзных структурах, к российским оппонентам, при этом человек с большими амбициями. Но быть препятствием на пути налаживающегося

взаимодействия между союзным и российским лидером Н. И. Рыжков посчитал для себя невозможным и, в конце концов, после уговоров Л. И. Абалкина, с тяжелым сердцем был вынужден подписать бумагу, декларирующую намерения союзной и российской властей работать над планами экономических реформ сообща.

Дружная, конструктивная совместная работа союзных и российских разработчиков экономических программ не получилась, да и она вряд ли была возможна при том составе участников процесса, который подобрался с обеих сторон. Новая совместная союзно-республиканская рабочая группа была составлена таким образом, что первая роль в ней легко была захвачена людьми из российского лагеря, которые рассчитывали всю работу сделать самостоятельно, поставив впоследствии тем самым своих оппонентов из союзного правительства перед жесткой альтернативой — либо исполнить то, что им будет продиктовано, либо уйти (не мешать).

Проблема для союзной исполнительной власти заключалась еще в том, что никто не отменял данного ей на III Сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в июне 1990 г., поручения доработать и вынести осенью на рассмотрение III Съезда народных депутатов СССР уже представленную концепцию (план) экономических реформ. Президент СССР М. С. Горбачёв заявил, что он не обладает полномочиями по отмене этого решения. В итоге под эгидой совместной союзно-республиканской рабочей группы свой вариант экономических реформ стали разрабатывать российские эксперты, а союзное правительство параллельно продолжило работу по доработке своей собственной программы. Редкие контакты между представителями двух лагерей заканчивались ссорами, взаимными упреками и обидами. На деле никакой речи ни о формировании единой, общей позиции, ни о едином плане реформ и согласованном пакете документов и речи быть не могло.

По свидетельствам очевидцев, некоторые люди из тогдашнего ближайшего окружения президента уже в то время предложили ему поменять правительство Н. И. Рыжкова [5]. В воспоминаниях А. Н. Яковлева содержатся сведения о том, что уже во время своего отпуска в Крыму Горбачёв дал поручение о подготовке нового состава правительства и концепции его реорганизации из Совета министров СССР в Кабинет министров.

Для того чтобы лучше маневрировать в сложившейся взрывоопасной обстановке, в значительной степени им же самим и созданной, М. С. Горбачёв, прервав в 20-х числах августа свой отпуск, вернулся в Москву. Он поочередно повстречался с «российскими» и «союзными» разработчиками планов экономических реформ. Сначала, пообщавшись с разработчиками программы «500 дней» он по итогам многочасового обсуждения высказался в поддержку этой программы. Однако на следующий день разработчики плана действий по линии правительства СССР донесли до президента мысли о том, что реализация того плана, который он, по сути, накануне одобрил, приведет к распаду союзного государства, и что, как заметил Н. И. Рыжков, «это была не экономическая программа, а политическая, рычаг для борьбы с руководством СССР», что, очевидно, несколько поубавило его пыл.

В конце августа состоялась долгожданная, длившаяся около пяти часов в формате «один на один», встреча-примирение М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина, на которой, как можно предположить, российский лидер оказал на союзного руководителя дополнительное давление с целью подвинуть к принятию программы «500 дней».

30–31 августа состоялось очередное совместное заседание Президентского совета и Совета Федерации, в котором, по воспоминаниям М. С. Горбачёва, принимало участие «около 200 человек». В рамках этого мероприятия академиком Шаталиным, взявшим формальное шефство в качестве лоббиста над программой «500 дней», был представлен «проект Шаталина–Явлинского», а Н. И. Рыжковым — доработанная концепция реформ Совета министров СССР. По опубликованным записям А. С. Черняева, разговор шел «в скандальной тональности». Не сумев принять никакого решения, участники заседания договорились временно отложить внесение вопроса о каких-либо программах экономической реформы на Верховные Советы Союза ССР и Российской Федерации. Н. И. Рыжков это решение выполнил, дав указание не отправлять подписанный им 1 сентября правительственный проект законодателям, а Б. Н. Ельцин, наоборот, в стремлении оказать давление на союзный Центр пошел в наступление, представив 3 сентября программу «500 дней» Верховному Совету РСФСР.

В итоге, по словам бывшего в то время председателем Совета Республики Верховного Совета РСФСР В. Б. Исакова, начался очередной виток столкновения амбиций российского и союзного руководства [6].

10 сентября Н. И. Рыжков позвонил М. С. Горбачёву и заявил, что, поскольку с российской стороны договоренность отложить вынесение экономических программ на обсуждение парламентариев нарушена, и обсуждение проекта «500 дней» уже идет, то и союзное правительство планирует отправить свою программу для рассмотрения законодателями. На что был получен краткий ответ: «Отправляй. Твое право». На следующий день председатель Совета министров СССР выступил на сессии Верховного Совета с докладом «О подготовке единой общесоюзной программы перехода к регулируемой рыночной экономике и выработке мер по стабилизации народного хозяйства». В ее отношении звучало много разного рода замечаний, преимущественно критической направленности.

21 сентября на заседании Верховного Совета СССР М. С. Горбачёв предложил объединить экономические программы Явлинского–Шаталина и Абалкина–Рыжкова, т. е. фактически отказался, как от программы «500 дней», так и от программы Правительства СССР. В конце концов, по итогам очень острых и долгих дискуссий 24 сентября 1990 г. Верховный Совет СССР принял постановление, в котором признал необходимым на базе внесенного президентом проекта программы реформ, а также двух альтернативных документов и других предложений, высказанных в ходе обсуждения, подготовить еще одну единую программу стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике. При этом Президенту СССР предоставлялись дополнительные полномочия для осуществления этих мер. Попытки как российских, так и союзных разработчиков программ добиться их утверждения осенью 1990 г. окончились неудачей.

Для того чтобы создать видимость какого-то компромиссного, паллиативного решения, М. С. Горбачёв попросил академика А. Г. Аганбегяна, который после июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС отошел от написания каких-либо экономических программ, вновь включиться в процесс и попробовать объединить предложения союзного правительства с российской программой. Сию невыполнимую в принципе

задачу «скрещения ужа и ежа» А. Г. Аганбегян постарался, как мог, исполнить, но, понятное дело, ничего путного из этой затеи не вышло.

Формально принятое в сентябре Верховным Советом СССР решение представить единую экономическую программу было исполнено. В установленный срок, 15 октября, 60-страничный объединенный документ под названием «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике» был направлен на рассмотрение союзным законодателям. Республикам в нем предоставлялось право решать, когда и какие конкретные меры осуществлять. А Центр должен был лишь обеспечить общую координацию в проведении реформ.

Н. И. Рыжков позднее так охарактеризовал исторгнутый из недр Администрации президента документ: «Президент направил в Верховный Совет все-таки не программу и все-таки не концепцию, но всего лишь привычные „Основные направления“ по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике. Это расплывчатое название тем хорошо, что не требует ни точной конкретики, ни детальной проработки путей в рынок» [7].

Одновременно с внесением «основных направлений» М. С. Горбачёв потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий, необходимых для того, чтобы «обеспечить вхождение в рынок». Верховный Совет РСФСР в ответ заявил, что без его ратификации никакие указы Президента СССР на территории России не будут приниматься к исполнению. Верховный Совет СССР, не без колебаний, один раз при голосовании не набрав кворума, сделал свой следующий шаг, согласившись дать главе союзного государства испрашиваемые им новые права.

19 октября члены Верховного Совета СССР, утомленные возникшим противостоянием и «войной программ», подавляющим большинством в 318 голосов (при 26 воздержавшихся и 12 проголосовавших против), утвердили «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». И хотя инициатива принятия этого документа исходила от М. С. Горбачёва, обвинения в навязывании стране «антинародной и антигуманной» экономической программы сыпались в адрес Н. И. Рыжкова и возглавляемого им правительства.

Менее чем через две недели, 31 октября, Верховный Совет РСФСР, пойдя на новый виток

обострения конфронтации с союзными властями, подтвердил принятие им ранее, 9 октября, поручения российскому правительству с 1 ноября начать переход на рыночные отношения, тем самым, по сути, одоблив программу, которая лоббировалась республиканскими властями. В СМИ было объявлено о начале действия программы «500 дней», хотя тем, кто хотя бы что-то понимал в сложившейся ситуации, было очевидно, что в обстановке того времени шансы на сколь-нибудь успешное воплощение этого плана реформ в жизнь отсутствовали.

К этому времени мысль о контрпродуктивности дальнейшего педалирования программы «500 дней» дошла до сознания Б. Н. Ельцина (и/или была доведена ему извне). В одном из данных позднее интервью Г. А. Явлинский поведал, что Ельцин в разговоре с влиятельным американским сенатором Доулом спросил, опасна ли для его политического будущего реализация программы «500 дней». Доул ответил утвердительно, и тогда Ельцин сказал: «Раз так, я по времени с ее выполнением — у меня весной выборы».

Сам Явлинский также, в свою очередь, осознав бесперспективность попыток продавливания столь горячо вынашивавшихся им планов, уже 16 октября 1990 г. отправил в Верховный Совет РСФСР письмо, заканчивающееся такими словами: «Считая себя одним из основных авторов программы, которая, хотя и была принята, но не может быть реализована, в том числе и по вине того Правительства, в котором я состою, прошу Верховный Совет РСФСР принять мою отставку» (<http://www.yabloko.ru/Publ/500/500-yavl-1.html>). В этот момент Б. Н. Ельцин фактически исключил Явлинского из своей команды, по всей видимости, сильно разочаровавшись в способностях недавно привлеченного им «молодого реформатора». В свою очередь, Явлинский считал, что Б. Н. Ельцин его предал.

Окончательно рассорился и/или расстался со многими людьми, составлявшими его круг общения, и М. С. Горбачёв. По итогам очередного визита С. С. Шаталина в США, где академик, согласно данным им самим признаниям, много лет регулярно получал советы от разных людей, в том числе и самого высокого уровня, Президент СССР получил по линии МИДа такую информацию: «Шаталин подчеркивал, что экономика СССР смертельно больна, вкладывать в нее абсолютно бессмысленно, руководство

тупо, Горбачёв — политик вчерашнего дня, а будущее — за Ельциным» [8]. Естественно, такие сведения не могли способствовать дальнейшей конструктивной работе академика и президента.

По свидетельству Е. Г. Ясина, проведя оценку возможных последствий реализации планов по переходу к рынку, специалисты Госплана СССР довели до руководства Совета министров СССР информацию о том, что «при проведении радикальных реформ в течение двух лет валовой национальный продукт СССР сократится на 18–20%, потребительские цены вырастут не менее, чем на 100%, реальные доходы населения сократятся на 20%, спад инвестиций достигнет 60%, а безработица вырастет на 8%. Оценка трудовых ресурсов, высвобождаемых в результате структурной реформы экономики, давала цифру в 40 млн человек» [9].

По всей видимости, такого рода прогнозы, делящаяся долгое время чехарда с планами по реформированию экономики, многолетняя борьба по разным направлениям, поведение союзного и российского политических лидеров вместе с их окружением, ощущение возникшего тупика и бесперспективности, усталость от всего этого вынудили Н. И. Рыжкова в декабре 1990 г. подать заявление об отставке, которое было принято, как представляется, не без чувств облечения и известного удовлетворения.

Выводы

Неудавшаяся попытка совместно разработать, представить и реализовать общую программу экономических реформ вбила новый клин в и без того непростые отношения М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина, подстегнув новый виток их многолетней вражды и взаимной конфронтации друг с другом. Даже по прошествии многих лет бывший российский президент не стеснялся публично выражать свои не остывшие с тех времен чувства по отношению к оппоненту, говоря при этом такие вещи: «Ведь как действовал Ельцин? Со мной договаривался и подписывал, а за спиной тянул это. Это, вообще говоря, подлость такая, я ему это простить не могу. Даже вот он мертвый, и уже мне не хотелось бы говорить об этом, но это подлый человек оказался. И я его все время и выдвигал... Человек — ошибка моя. Еще подлость, наверное, от пьянства. Дурной он человек, вообще говоря. Господи, прости меня! И трудящиеся, простите меня» (<http://echo.msk.ru/programs/korzun/749959-echo/>).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кротов Н. И. Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов. М.: Товарищество научных изданий КМК; 2019. 708 с.
2. Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве / Леонид Абалкин. М.: Политиздат; 1991. 304 с.
3. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1, 2. М.: Новости; 1995.
4. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика; 1998.
5. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым: По дневниковым записям. М.: Прогресс-Культура; 1993.
6. Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990–1991. М.: Палея; 1996.
7. Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М.: Новости; 1992.
8. Шаталин С. С. Жизнь, не похожая ни на чью. М.: Экономическая газета; 2004. С. 109.
9. Ясин Е. Г. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ-ВШЭ; 2002.

REFERENCES

1. Krotov N. I. Akela missed, launch Berlaga. An attempt to understand the meaning of the economic reforms of the 1980s. Moscow: KMK Scientific Publishing Association; 2019. (In Russ.).
2. Abalkin L. I. Missed Chance: One and a half years in government. Moscow: Politizdat; 1991. (In Russ.).
3. Gorbachev M. S. Life and reforms. Book 1, 2. Moscow: Novosti; 1995. (In Russ.).
4. Petrakov N. Ya. Russian roulette. An economic experiment costing 150 million lives. Moscow: Ekonomika; 1998. (In Russ.).
5. Chernyaev A. S. Six Years with Gorbachev: According to Diary Entries. Moscow: Progress-Culture; 1993. (In Russ.).
6. Isakov V. B. Chairman of the Council of the Republic. Parliamentary Diaries 1990–1991. Moscow: Paleya; 1996. (In Russ.).
7. Ryzhkov N. I. Perestroika: A history of betrayals. Moscow: Novosti; 1992. (In Russ.).
8. Shatalin S. S. A life like no one else's. Moscow: Ekonomicheskaya gazeta; 2004. (In Russ.).
9. Yasin E. G. Russian Economy: Origins and Panorama of Market Reforms. Moscow: HSE; 2002. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Юрьевич Алексеев — доктор экономических наук, декан факультета международных экономических отношений, Финансовый университет; заместитель председателя Банка России, Москва, Россия
MYAlekseev@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yurievich Alekseev — Doctor of Economics, Dean of the Faculty of International Economic Relations, Financial University; Deputy Governor of the Bank of Russia, Moscow, Russia
MYAlekseev@fa.ru

Статья поступила 10.08.2020; принята к публикации 10.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.08.2020; accepted for publication on 10.09.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.